

му самоускоряющегося экономического роста. Он также посвятил отдельную главу экономической политике, которой должно придерживаться государство, чтобы разбогатеть. Он мог бы сказать просто: если хотите оценить богатство города, сосчитайте, сколько в нем разных профессий; чем больше профессий, тем богаче город. Диверсификация видов экономической позволяла новому знанию «скакать» из одного сектора в другой, как показано на илл. 5. Эта теория была продолжением традиции *ben commune* (общего блага) Брунетто Латини времен XIII века.

Целью экономической политики, таким образом, становилась эмуляция экономического строя Венеции и Голландии, сведение воедино как можно большего количества профессий, для которых типичными были возрастающая отдача и технологический прогресс. Вариант копирования экономической политики Венеции и Голландии никогда не рассматривался. Экономисты понимали, что экономический строй этих стран сформировался в результате географического расположения на морском берегу и нехватки пахотных земель. Другими словами, Европа избрала стратегией развития сравнительный анализ и эмуляцию. В Приложении V приведена стратегия, разработанная немецким экономистом Филиппом Вильгельмом фон Хорнигом (1638-1712), современником Зекендорфа. Хорниг считал, что отсталые немецкие земли должны следовать этим принципам, чтобы эмулировать экономические структуры богатых европейских стран. Интересно, что эта стратегия была разработана прежде всего для Австрии и впервые была опубликована в 1684 году, всего через год после осады Вены турками. Книга Хорнига переиздавалась 16 раз, продержавшись в печати более 100 лет. В 1784 году она была в очередной раз переиздана, что подтвердило ее важность для создания экономического успеха Австрии. Что характерно, в стандартной истории экономической мысли эта книга вообще не упоминается.

Наблюдение, что близость к городам стимулирует сельское хозяйство, можно встретить у ранних экономистов. Вот что пишет Ботеро: «Голландские овцы приносят по три или четыре ягненка за раз, а коровы часто приносят по два теленка; коровы дают столько молока, что тот, кто не видел этого своими глазами, не поверит, что такое возможно»²⁷. Однако по-настоящему достоинства синергии между городом и деревней — понимание, что только крестьяне, работающие на одном рынке с промышленниками, могут разбогатеть — были осознаны только во времена Просвещения.

Джосайя Чайлд (1630-1699), управляющий британской Вест-

Индской компанией, так сформулировал свое отношение к мировой экономической политике эмуляции: «Если мы намерены достичь успеха в мировой торговле, то должны имитировать голландцев, которые по максимуму используют все возможности обрабатывающей промышленности; тогда у нас появится возможность удовлетворить любой рынок и любой настрой». Развивая тему, Чайлд начал свой труд 1668 года «Brief Observations Concerning Trade and Interest of Money» («Краткие замечания относительно торговли и процента») замечанием об «удивительном прогрессе голландцев», который «является предметом зависти сегодняшних и, возможно, будущих поколений». «Однако, — добавляет он, — средства, при помощи которых они так продвинулись, очевидны и доступны для использования большинству других народов... что я и намерен продемонстрировать в своей книге». К сожалению, то, что казалось очевидным Джосае Чайлду, не кажется очевидным стандартной экономической науке наших дней.

Немцы понимали, что не смогут эмулировать демократичную политическую систему Нидерландов или Венеции. Было очевидно, что экономический строй государства неразрывно связан с его политическим строем²⁹. Однако Германии надо было как-то жить со своими правителями. Чтобы страна могла развиваться, надо было убедить их изменить экономическую политику и ждать, что со временем форма правления сама собой станет более демократичной. Деспотизм правителей со временем должен был перерасти в то, что Вильгельм Рошер в 1868 году назвал просвещенным деспотизмом. Начиная с 1648 года философы и экономисты не жалели сил, чтобы изменить представление правителей о том, что такое успешное королевство.

Зекендорф был первым экономистом и политологом, пытавшимся внушить европейским правителям, что они унаследовали не только право властвовать над людьми, но и обязанность их развивать. В следующем веке появились первые развивающиеся страны, предшественники Кореи и Тайваня конца XX века. Просвещенный правитель — «философокороль», как называл его Христиан Вольф, управлял «развивающейся диктатурой», а экономисты советовали, помогали, направляли, поправляли, а кроме этого увещевали правителей и льстили им, чтобы те как следует, выполняли свою работу. Многие экономисты представляли собой целый научный совет в одном лице, а также были предпринимателями в последней инстанции, что часто приводило их к финансовым трудностям. В обществе культивировали понимание